

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ В 1890–1930-е гг.¹

В центре внимания статьи — фигура французского дипломата Филиппа Бертелло, длительное время определявшего внешнюю политику Третьей Республики. Автор статьи предполагает, что в условиях частой смены правительственных кабинетов во Франции, именно высшее чиновничество МИДа обеспечивало стабильность и преемственность внешнеполитического курса. Представляется вероятным, что фигура Ф. Бертелло, в разные времена занимавшего должности руководителя азиатского и политического департаментов, а также генерального секретаря МИД Франции является одной из важнейших и перспективных для осмысления политики Франции по отношению к Советской России. В немалой степени это связано с анти-германскими убеждениями дипломата.

Ключевые слова: Третья Республика; Россия; франко-русский союз; Филипп Бертелло; МИД Франции.

Существует мнение, что с точки зрения советской дипломатии ключевым препятствием к развитию отношений с Францией являлась нестабильность правительств Третьей республики, в результате чего советская сторона не всегда могла рассчитывать на длительное пребывание у власти кабинета, благоприятно настроенного к СССР [9, р. 314]. Тем не менее, несмотря на то что частая смена правительств была нормой для Третьей Республики, было бы некорректно утверждать, что внешнеполитическая ориентация Франции колебалась с каждым новым кабинетом. Во-первых, подобная ситуация не располагала бы к доверию по отношению к политическим элитам страны и не способствовала бы заключению долгосрочных международных соглашений. Во-вторых, с момента рождения франко-русского альянса в 1890-е г. до начала Первой мировой войны, когда этот альянс стал востребованным — в Третьей Республике сменилось 25 правительств. Несмотря на ежегодную смену

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»)

кабинетов, франко-русский союз оставался константой внешнеполитической линии Франции. В таком случае, что же обуславливало стабильность внешнеполитической стратегии?

На наш взгляд, стабилизирующим фактором внешней политики Франции была деятельность чиновников Министерства иностранных дел: руководителей структурных подразделений и их заместителей, которые могли сохранять за собой руководящие должности при сколько угодно частой смене министерских портфелей и оказывать влияние на реализацию долгосрочных внешнеполитических стратегий. А. Ферра, современник гибели Третьей Республики, также подчеркивал, что политика, проводимая верхушкой дипломатического аппарата Франции, была максимально преемственной внутри корпорации и достаточно независимой от парламентской жизни [10, р. 134]. Французский специалист по международным отношениям Б. Руо отмечает, что внешняя политика Франции, за исключением ситуации, когда у власти находились волевые, харизматичные лидеры типа Бонапарта, Клемансо или де Голля, всякий раз направлялась и определялась ответственными чиновниками — например, Конти или Делькассе [21, р. 239].

Одним из таких чиновников был Филипп Бертело, осуществивший руководство внешней политикой Франции на протяжении почти двадцати лет. Бертело пришел во внешнюю политику в 1895 г. [3, р. 252] благодаря своему отцу, знаменитому ученому и министру иностранных дел Марселену Бертело, став секретарем посольства третьего класса. При министерстве Г. Аното (1896–1898 гг.) Ф. Бертело оставался сотрудником аналитического отдела. В это время в Министерстве работали братья Поль и Жюль Камбонны, Камиль Баррер, посол в Италии, г-н Нисар, директор политического департамента МИД, советник по вопросам франко-русского альянса, под руководством которых Филипп Бертело переживал свое становление как дипломата [20, р. 621]. Отметим, что деятельность вышеперечисленных чиновников МИД также нуждается в осмыслении, так как позволяет ответить на вопрос, какую внешнеполитическую позицию Бертело мог унаследовать и развить как их восприимчив.

В исследовании «Великая иллюзия» Ж.-А. Суту отмечает, что с конца 1890-х гг. на набережной Орсе «правило бал» трио Пуанкаре-Делькассе-Палеолог, и что стабильность франко-русского союза — результат их непосредственных усилий; помимо прочего, все франко-русские контакты проходили через этих дипломатов. Впоследствии их позицию поддержало новое поколение сотрудников: Филипп Бертелло и Пьер де Маржери [22, р. 29–30].

Ф. Бертелло был хорошо знаком с «русскими делами»: он посещал Петербург в 1902 г., хотя его впечатление о России вряд ли можно охарактеризовать как восторженное: по мнению одного из биографов Бертелло Ж.-Л. Барре, «он покидал Петербург с впечатлением интеллектуальной пустоты, политической неподвижности и придворного снобизма». [6, р. 156]. Бертелло поддерживал тесный контакт со знаменитым славистом Полем Буайе — руководителем Школы Восточных языков в Париже (Школа, в свою очередь, тесно сотрудничала с МИД) [19, р. 348], в годы Первой мировой войны он занимался организацией пропаганды в России, осознавая недостаточную информированность союзника о положении дел на Западном фронте [Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve (АМАЕ). Berthelot (Philippe). Service de la propagande. Russie (novembre 1915 — février 1917)]. При его активном участии был сформирован «Maison de la presse», который занимался пропагандой за пределами Франции и работал в тесной связи со 2 Бюро Генерального Штаба [22, р. 189]. Многочисленные документы, представляющие эту сторону активности дипломата, находятся в его личном фонде в архиве Министерства иностранных дел Франции.

После революционных событий, произошедших в России, появилась необходимость создания своеобразного «кризисного центра» для обеспечения деятельности на территории бывшего союзника — так была создана «русская секция» МИД, просуществовавшая с 1918 г. по 1922 г. [23, р. 148] и Ф. Бертелло принимал активное участие в ее работе.

По мнению исследовательницы А. Огениус-Селиверстоф, именно Ф. Бертелло руководил русским направлением в послевоенное время. Считается, что его позиция по отношению к бывшему

союзнику была гораздо либеральнее, чем у С. Пишона [15, р. 92]. В рамках данной деятельности Ф. Бертело регулярно сталкивался с враждебностью М. Палеолога, имевшего отличную позицию по вопросам взаимоотношений с Россией. Как писал Ж. Лярош: генеральный секретарь набережной Орсе М. Палеолог «оставшийся в воспоминаниях об имперской России, не измерил глубины перемен, рожденных революцией» [16, р. 127]. Так, считается, что признание А. Мильераном правительства Врангеля — инициатива Палеолога, решение было принято Мильераном без предварительных консультаций в МИД и персонально, с Ф. Бертело [15, р. 81], который считал этот проект большой ошибкой.

В свою очередь, отношение Бертело к большевикам диктовалось, скорее, в духе *realpolitik*. В циркуляре, разосланном во французские посольства, он отмечал, что проблема русской революции ставит вопросы к будущему послевоенному миру, и если единство России не будет восстановлено, и Россия станет контролироваться Германией, то и победа Франции в войне будет утеряна [13, р. 168–169].

Конфликты между Палеологом и Бертело (хотя они никогда не демонстрировали открытой вражды [16, р. 111]), а также между Пуанкаре и Бертело были достоянием прессы: газета «Aux Ecoutés» в 1920-е гг. смаковала интересующие публику подробности [4, р. 10–11]. При этом Ф. Бертело считался непотопляемым «серым кардиналом» МИД [Напр.: 1, с. 267], редко с кем из коллег или руководства у него складывались доброжелательные отношения, он испытывал на себе ненависть Пуанкаре, враждебность Клемансо, не дававшего ему продвижения по службе, но, тем не менее, считается, что ни один из руководителей не мог обойтись без этого дипломата, хорошо знающего свое дело и имевшего высокую степень самостоятельности в осуществлении внешнеполитической деятельности [16, р. 31].

Одной из констант видения внешнеполитической стратегии Франции с точки зрения Ф. Бертело была, в первую очередь, антигерманская направленность политики. Его коллега, Ж. Лярош вспоминал: Бертело «считал, что только взаимопонимание с Англией может преодолеть сопротивление Германии. Выступая за политику твердости по отношению к Рейху, на конференции в Спа он

помог Мильерану добиться того, чтобы в требованиях союзников присутствовала в качестве возможной санкции оккупация Рура» [16, р. 136]. Подобный образ транслировала и немецкая пресса, писавшая о Бертело как об одном из опаснейших противников Германии, который был создателем невыносимых условий послевоенного мира [8, р. 3]. По всей видимости, антигерманский вектор его мысли сформировался не позднее 1905 г., когда он пришел работать в кабинет министра Л. Буржуа. Тогда, по воспоминаниям корреспондента «Le Temps» Р. Рекули, он чувствовал предстоящую войну, в которую многие не верили, и говорил, что «оставить Россию, помимо того, что это акт бесчестия, было бы настоящим самоубийством. Через полгода-год Германия снова будет спорить с нами из-за Марокко, из-за иностранного легиона. Россия в свою очередь проигнорирует нас, и мы окажемся покинутыми» [12, р. 3].

Несмотря на то, что Ф. Бертело а также его соратник П. де Маржери были создателями теории четырех столпов против Германии — Польши, Чехословакии, Румынии и Югославии (эту теорию они изобрели к осени 1917 г. [22, р. 261–262]), хрупкость Малой Антанты вскоре стала очевидна. Уже в 1925 г. А. Бриан и Ф. Бертело начинают вытеснять из переговорного процесса с СССР «неофициальных» представителей Третьей Республики, таких как А. де Монзи и В. Дальбьез. Как отмечал в своем дневнике Х. Г. Раковский: «Он [Бертело] несколько раз подчеркнул, что решающими являются разговоры с ним и с Брианом; что с ними мы должны решать вопросы и он буквально сказал в конце такую фразу: “решение нужно искать здесь, а не вне, с другими лицами, как бы высоко они не стояли”. Для нас было ясно, что речь идет о де Монзи и Дальбьезе» [Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Фонд 04 (Архив Чичерина). Оп. 42. Д. 53724. Л. 6]. В переговорах между Бертело и Чичериным, французский дипломат нередко «сваливал» вину за ошибки во франко-советских отношениях на некомпетентность А. де Монзи, В. Дальбьеза и П. Ренделя [Там же. Л. 23, 39а]. Также в 1925 г. Бертело вошел в консультативный совет по установлению франко-советских переговоров [Archives Nationales (AN). Paul Painleve (fond privé). 313AP/210], состоял в переписке с Л. Красиным, ведя переговоры по вопросам

передачи флота Врангеля и царских долгов [Ibid. Lettre adressée à M. Krassine], выступал сторонником развития торговых отношений, хотя направленность его рассуждений была обращена к русским долгам: «Только способствуя экспорту российских товаров во Францию и создавая растущее торговое движение с Россией, мы сможем найти средства, необходимые для урегулирования ее долгов» [Ibid. Note (Paris, 29 Janvier 1925)]. Впрочем, советская сторона в конфиденциальных беседах с генеральным секретарем МИД, сама активно подтверждала готовность к выплате царского долга на приемлемых для нее условиях [АВП РФ. Фонд 04 (Архив Чичерина). Оп. 42. Д. 53724. Л. 22.].

В итоге Ф. Бертело инициировал переговоры с советской стороной по поводу пакта о ненападении [2, с. 384–385] и в апреле 1931 г. нанес визит полпреду СССР во Франции В. С. Довгалевскому. По утверждению Ф. Дессбера, после выборов в Германии в сентябре 1930 г. надежды А. Бриана на то, что Германия продолжит политику Штреземана, испарились. Восточные союзники Франции казались разобщенными, с Польшей также наблюдались противоречия, и в этом отношении сближение с СССР могло бы стать выходом из сложившейся ситуации [11, р. 271]. Это также объясняет факт смены посла в Москве Ж. Эрбетта (с которым у Ф. Бертело были к тому же весьма натянутые отношения) в 1931 г. на М. Дежана, поскольку МИД заинтересован в сотруднике, готовом откликнуться на процесс сближения. Таким образом, когда Германия усиливается, прибегая к анти-версальским лозунгам, Франция ищет союзника, достаточно сильного для противодействия вновь возрастающей германской угрозе, что фактически повторяет ситуацию 1890-х гг. По мнению Ж.-Л. Барре, именно Ф. Бертело «благословит» Луи Барту на продолжение франко-советского сближения. Однако ближайшие события фактически поставили под сомнение углубление этого процесса. Убийство короля Югославии Александра в Марселе 9 октября 1934 г. разрушило планы Бертело: «Это был самый надежный элемент, на который мы могли рассчитывать, потому что Польша очень небезопасна, Чехословакия слаба, Румыния — никакая», а смерть Л. Барту была серьезным ударом для дипломата, т. к. «вместе с Барту исчезала последняя надежда на союз на Востоке» [6, р. 415].

Советский вектор политики Ф. Бертело нашел слабое отражение в профессиональной литературе и публицистике. Тем не менее еще при жизни Ф. Бертело подвергался непрекращающейся критике со стороны правых политиков. Так, например, колониальная газета «L'avenir du Tonkin» стала ареной политической борьбы с дипломатом: франко-советское сближение подвергалось беспощадной критике со стороны журналиста, работавшего под псевдонимом Treslemont. В его статьях Бертело описывался как человек, согласно фантазиям которого длительное время формировалась внешняя политика Франции, критиковалась также его анти-японская риторика [17, р. 1]. Издание «Je suis partout», в свою очередь, называло МИД при Бертело «набережная иллюзий» — именно за политику франко-советских переговоров [14].

Ф. Бертело скончался 22 ноября 1934 г. После его смерти правый публицист Р. Корнийо написал «оду» П. Лавалю, отметив, что «Смерть Филиппа Бертело и выход на авансцену Палаты депутатов Пьера Лавала вернули нашу внешнюю политику на первый план. Но если однажды кровь все-таки прольется, наши сыновья смогут проклясть его [Бертело] память (maudire sa memoire)» [18]. Преемник Ф. Бертело, Алексис Леже, по мнению исследователей, отдавал приоритет сближению с Германией [5], а также, очевидно, не обладал тем аппаратным весом, который был у Ф. Бертело, чтобы иметь возможность продвигать инициативы чиновничества МИД. На наш взгляд, не в меньшей степени франко-советское сближение стало сходить на нет именно по причине смерти влиятельного и активного инициатора политики сближения Ф. Бертело, чьей основной целью было создание сильного антигерманского заслона.

Важно отметить, что полноценной и, главное, современной работы, посвященной Ф. Бертело, на сегодняшний день во Франции не существует. Можно отметить две монографии Ж.-Л. Барре [6], впервые увидевшую свет в 1980-е гг. и О. Бреалю [7], вышедшую в 1937 г., которые по своей сути являются апологетикой карьерного дипломата, не опирающейся на обширные документальные источники и, как правило, пересказывающие занимательные истории и слухи о его жизни. При этом принципиально важное значение

имеет проблема вскрытия механизмов принятия решений во французском правительстве. Большинство научных исследований, посвященных проблемам внешней политики Третьей Республики, рассматривают гласные, публичные фигуры, в то время как часто они оказываются лишь озвучивающими идеи, уже принятые в министерских кабинетах. обстоятельное изучение деятельности Ф. Бертелло, как нам представляется, может способствовать пониманию специфики французской политической системы.

Список литературы

1. Манфред А. З. Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей. М.: Наука, 1967. 329 с.
2. Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами 1914–1936. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 772 с.
3. Auffray V. Pierre de Margerie (1861–1942) et la vie diplomatique de son temps. Paris: Klincksieck, 1976. 528 p.
4. Aux écoutes. 1920. 22 août.
5. Badel L. Le Quai d'Orsay, les associations privées et l'Europe (1925–1932) // Europe brisée, Europe retrouvée: Nouvelles réflexions sur l'unité européenne au XXe siècle. Paris: Éditions de la Sorbonne, 1994. URL: <http://books.openedition.org/psorbonne/48998>.
6. Barré J.-L. Le Seigneur-Chat. Philippe Berthelot (1866–1934). Paris: Plon, 1988. 433 p.
7. Bréal A. Philippe Berthelot. Paris: Gallimard, 1937. 250 p.
8. Bulletin quotidien de presse étrangère. 1922. 28 Mars.
9. Carley M.J. A Soviet eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940 // Diplomacy & Statecraft. 2006. Vol. 17. Issue 2. P. 295–346.
10. Ferrat A. La République à refaire. Paris: Gallimard, 1945. 252 p.
11. Dessberg F. Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles: Peter Lang, 2009. 440 p.
12. Gringoire. 1931. 2 octobre.
13. Jackson P. Beyond the Balance of Power. France and the Politics of National Security in the Era of the First World War. Cambridge, 2013. 559 p.
14. Je suis partout. 1931. 26 décembre.
15. Hogenhuis-Seliverstoff A. Les relations franco-soviétiques 1917–1924. Paris: 1981. 316 p.

16. Laroche J. Au Quai d'Orsay avec Briand et Poincaré 1913–1926. Paris: Hachette, 1957. 230 p.
17. L'avenir du Tonkin. 1935. 15 Juin.
18. Mémorial de la Loire et de la Haute-Loire. 1934. 7 décembre.
19. Pondopoulo A. Paul Boyer, ses liens avec la Russie et les enjeux politiques de la réforme de l'École des langues orientales dans les années 1910 // La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815–1917). Paris: École Nationale des Chartes, 2011. P. 341–359.
20. Revue bleue politique et littéraire. 1937. № 19.
21. Rouaud B. L'alliance inachevée. De l'influence des représentations sur la (géo)politique russe de la France. Paris: Les Éditions du CERF, 2020. 293 p.
22. Soutou G.-H. La grande illusion. Quand la France perdait la paix 1914–1920. Paris: Tallandier, 2015. 376 p.
23. Vaisse M. L'adaptation du Quai d'Orsay aux nouvelles conditions diplomatiques (1919–1939) // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1985. T. 32. № 1. P. 145–162.

Yulia M. Galkina,

PhD, Teaching Assistant, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

TO THE QUESTION OF THE CONTINUITY OF FRANCE'S POLICY TOWARDS RUSSIA IN THE 1890–1930s

The focus of the article is the figure of the French diplomat Philippe Berthelot, who for a long time determined the foreign policy of the Third Republic. The author of the article assumes that in the conditions of frequent change of government offices in France, it was the top officials of the Ministry of Foreign Affairs that ensured the stability and continuity of the foreign policy course. It seems likely that the figure of F. Berthelot, who at various times held the positions of the head of the Asian and political departments, as well as the Secretary General of the French Foreign Ministry, is one of the most important and promising for understanding France's policy towards Soviet Russia. To a large extent, this is due to the anti-German convictions of the diplomat.

Keywords: Third Republic, Russia, Franco-Russian Union, Philippe Berthelot, French Foreign Ministry